

С. С. Калинин
Кемерово, Россия

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОЦЕССА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

АННОТАЦИЯ. *В работе рассматриваются различные подходы к моделированию процесса лингвокультурного трансфера. Рассматриваются как первичные структурные и кибернетические модели этого процесса, так и новые подходы к его моделированию, основанные на антропоцентрической парадигме языкознания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурный трансфер, образ, концепт, структуральные модели, процесс перевода, антропоцентрическая парадигма языкознания, оязычивание мира.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Калинин Степан Сергеевич, аспирант кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет.*

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

S. S. Kalinin
Kemerovo, Russia

TOWARD THE DIFFERENT APPROACHES OF MODELLING THE LINGUISTIC-CULTURAL TRANSFER PROCESS

ABSTRACT. *The aim of the article is to observe some different approaches to the analysis of the linguistic-cultural transfer process. The objects of this work are both the traditional structural and cybernetic models and the anthropocentric paradigm-based models.*

KEY WORDS: *linguistic-cultural transfer, image, concept, structural models, translation process, anthropocentric paradigm of linguistics, world wording.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinin Stepan Sergeevitch, graduate student of department of translation studies and linguistics, Kemerovo State University.*

В настоящее время процесс лингвокультурного трансфера активно изучается с различных точек зрения. Лингвокультурный трансфер начал впервые рассматриваться систематически во Франции в 80-х годах XX века как с позиций структуральной поэтики, так и с позиций традиционного литературоведения [Фещенко Бочавер 2016: 18–19]. Между тем, сам термин «трансфер» был введен гораздо ранее. Впервые этот термин появляется в работе З. Харриса о грамматике трансфера, созданной в 50-х годах XX века [Harris 1954]. Здесь данное понятие рассматривалось как заимствование информации, перенос информации из одной семантической сфере в другую. Приблизительно в то же время выходит работа У. Вейнрейха «Языковые контакты: проблемы и современные достижения» [Weinreich 1968], в которой понятие культурного трансфера вводилось в связи с изучением языковых контактов, гибридизации языков, явления билингвизма и многоязычия. Определение трансфера как процесса переноса, взаимообмена информацией прослеживается и в работах современных исследователей. Так, В. А. Маслова определяет (лингво)культурный трансфер именно как процесс взаимообмена, взаимообогащения культур различной информацией [Маслова 2017: 146–147]. При этом информация из одной культуры (будем называть ее культурой-донором) не просто заимствуется, но проникает в ту культуру, которая ее воспринимает, интерферирует с ней, в некоторой мере накладывается на нее. Культуру, которая воспринимает получаемую информацию, будем называть культурой-реципиентом.

Ряд исследователей французской культурологической школы указывает на то, что процесс (лингво)культурного трансфера никогда не протекает непосредственно из культуры-донора в культуру-реципиент [Espagne 2013]. Он всегда опосредован некоей третьей культурой, которую можно назвать культурой-посредником. Именно такая трехчастная схема, по мнению французских исследователей, наиболее адекватно передает процесс трансферизации, переноса культурной информации, (лингво)культурных констант из одной культуры в другую.

Рассмотрим на нескольких примерах, что для процесса трансфера необходимо действительно три (лингво)культуры). В работе «Культурные трансферы» под редакцией С. Г. Проскурина подробно рассматривается вопрос о происхождении латин-

ской письменности в результате заимствования одного из средиземноморских алфавитов (а именно, финикийского) через посредство греческой культуры [Культурные трансферы 2015: 6–7, 25]. Однако, в греческой культуре произошло не просто заимствование этой системы письменности, но ее адаптация согласно особенностям строя древнегреческого языка [Фридрих 2010: 127–129]. Позднее древнегреческая письменность подверглась трансферу в латинскую культуру, что представляло собой гораздо более мягкий процесс адаптации, в частности из-за близости грамматических систем этих языков [Фридрих 2010: 135, 137–138]. Кроме того, на адаптацию финикийской системы письма к древнегреческому языку влияло еще и то, что в семитских языках формообразованию традиционно подвергается трехсложный (реже двухсложный) корень посредством внутренней флексии. Помимо этого, как в древних, так и в современных семитских языках гласные звуки на письме обычно не отображаются. Это также создавало определенные сложности в процессе трансферизации финикийской письменности в древнегреческую культуру и ее адаптации к данной культуре, поскольку строение именных и глагольных основ в индоевропейских языках принципиально иное.

Аналогичным образом можно объяснить и происхождение древнегерманской рунической письменности. Как указывает И. Фридрих, истоки данного типа письменности следует искать в одном из италийских алфавитов [Фридрих 2010: 142–143]. Возможно, процесс трансфера данного типа письменности протекал через этрусский либо через какой-то иной италийский алфавит, что можно видеть из графемного отображения структуры слова в лингвокультурах – возможных донорах и лингвокультуре-реципиенте. Несмотря на то что письменных памятников италийских языков сохранилось не очень большое количество, можно уже сейчас сказать о том, что данные языки принадлежали к индоевропейской группе языков. Именно этот фактор облегчал трансфер и адаптацию италийской письменности к древнегерманским языкам (возможно даже, к общегерманскому языку-основе). Интересно, что после процесса трансферизации в древнегерманские языки полученная алфавитная система (Старший Футарк) обладала в основном магической и религиозной функциями в отличие от алфавитных систем лингвокультур-доноров, где, судя по сохранившимся письменным памятникам, присутствовали также и бытовая, и посвятельная функция надписей.

Теперь рассмотрим процесс лингвокультурного трансфера применительно к семиотической системе языка. Материалом для данного анализа будут служить концептуальные единицы (образы) ряда литературных произведений Средневековья и Нового Времени. В данном случае образы, согласно данным В. В. Колесова [Колесов Пименова 2011: 39], мы можем считать когнитивными и концептуальными единицами. Именно данные единицы литературного произведения подвергаются процессу трансферизации.

В процессе трансферизации именно семантическая структура образа как концептуальной единицы подвергается преобразованиям. Семы, определяющие те или иные признаки образа, могут как актуализироваться (семиотическое усиление признака), так и наоборот, ослабляться и элиминироваться (семиотическое ослабление признака по С. Г. Проскурину [Культурные трансферы... 2015: 18–19]). В семантической структуре экспликации того или иного образа могут появляться дополнительные признаки, которых данный образ не содержал в исходной лингвокультуре. Тем самым семантическая структура образа трансформируется в процессе трансфера, адаптируясь под условия лингвокультурной среды культуры-реципиента. В этом проявляется эколингвистический аспект процесса трансфера.

На примере трансфера известных из «Старшей Эдды» образов Сигдривы / Брюнхильд и Гудрун – героинь сигурдовского цикла – в германо-немецкую средневековую культуру (а именно, в «Песнь о Нибелунгах» (*das Nibelungenlied*)) рассмотрим, как проявляются принципы семиотического усиления и семиотического ослабления признаков на конкретном языковом материале. Согласно данным М. И. Стеблина-Каменского [Стеблин-Каменский 1979: 52–53, 2013: 147–152], сигурдовский цикл, в образной системе которого присутствуют образы двух вышеупомянутых героинь, возник в первые века нашей эры где-то на территории Скандинавии (возможно, в южной части полуострова). Позднее, согласно его же анализу, он был заимствован южногерманскими племенами, в том числе предками носителей средневековой германо-немецкой культуры. Несмотря на языковую близость между данными народами, женский образ в их лингвокультурах принципиально различается по своей семантике. В скандинавской (а именно, в древнеисландской) лингвокультуре-доноре анализируемые женские об-

разы в своей семантической структуре имеют в качестве одного из наиболее актуализированных компонентов сему «сверхъестественное существо / существо с магическими способностями». Это явно отражается и на особенностях сюжетологии анализируемых произведений: в сигурдовском цикле героини представлены как женские полубожества – валькирии, в то время как в «Песни о Нибелунгах» они рассматриваются уже как обычные женщины, не наделенные сверхъестественными способностями. Правда, героини как первого, так и второго литературных произведений связаны с семантикой военной сферы, что явно отображается уже на уровне их имен: компонент двн. *hiltia* / дисл. *hildir* в структуре имени героинь «Песни о Нибелунгах» Брунгильды и Кримхильды можно перевести как «битва». Вообще, следует заметить тот интересный факт, что, по сведениям М. М. Маковского [Маковский 2004: 145], некоторые номинации женских образов в индоевропейских культурах имели отношение к сфере войны и военных действий. К. Джонс-Блэй указывает на то, что согласно ряду археологических и мифологических данных женщины древних индоевропейцев принимали непосредственное участие в битве [Джонс-Блэй 1997: 69]. Они могли идти перед войском и своими воинственными кличами возбуждать «боевой экстаз» в воинах (отсюда, вероятно, и появился образ валькирии, известный из древнегерманской мифологии). С таким образом древней праиндоевропейской женщины сопоставим образ «диких жен» из одного древнеанглийского заговора, приводимого Т. В. Топоровой [Топорова 1996: 127–128].

Вернемся к разговору о процессе культурного трансфера. Его можно представить в виде перекодирования, своеобразного аналога перевода из одной кодовой системы в другую. Как упоминает об этом М. Ю. Лотман [Лотман 1995: 218–219], этот процесс является процессом перевода с одного «семиотического языка» на другой. При этом исходная и итоговая кодовые системы не являются полностью изоморфными, даже если перевод осуществляется внутри одной языковой системы, внутри одной лингвокультуры (например, из одного типа модальности в другую, из одного типа семиотической системы в другую). В частности, это касается процесса «перекодирования» произведений словесного творчества на другие «семиотические языки» – язык живописи, скульптуры, музыки, театра и т.д. в частности, процесс адаптации художественного произ-

ведения на языки других семиотических систем также можно считать аналогом перевода и, соответственно, процессом трансфера¹.

Таким образом, исторически первые модели культурного трансфера были построены в рамках структурального взгляда на язык. Эти модели восходили к кибернетическим моделям передачи информации К. Шеннона и У. Уивера, были линейными по своей структуре: это означает, что в них был один входной канал, один канал передающий и один выходной канал. Такие модели трансфера можно сопоставить с известной схемой Р. О. Якобсона [Якобсон 1975: 198], в которой имеется передаваемое сообщение, адресант и адресат.

Графически такую линейную кибернетическую модель можно представить в виде схемы 1.

Схема 1

Со времени становления антропоцентрической парадигмы в языкознании становится необходимым и создание антропоцентрической модели лингвокультурного трансфера. Это исходит не только из очевидного факта о взаимосвязи языка и культуры, но и из тезиса о том, что в центр такой модели необходимо поставить человека говорящего. Также необходимо учитывать двойственную материально-идеальную природу языка: язык существует не только как особая метафизическая реальность, в которую индивид проникает, «погружается» по мере ее освоения, но и как социальный факт, основная функция которого в таком аспекте – освещение коммуникации между членами общества. Необходимо также заметить тот факт, что при помощи языка осуществляется «ословливание», «озыачивание» мира [Weisgerber 2004: 171–172], его воссоздание посредством слова. Таким образом язык как метафизическая реальность творит мир в себе самом и затем, через

¹ Вопрос о взаимосвязи процесса перевода и процесса лингвокультурного трансфера освещен в работе Ю. Найды [Nida 1964].

индивида-его носителя, начинает самоподдерживающийся процесс воссоздания мира через язык. Графически это может быть представлено в виде схемы 2.

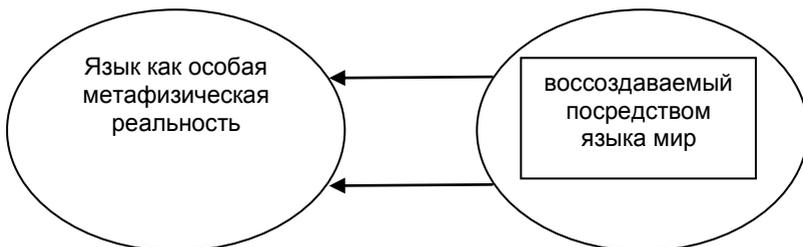

Схема 2

Таким образом, из анализа этой схемы мы можем видеть, что процесс воссоздания мира посредством языка является аутопозным процессом, то есть процессом самосозидания, самоподдерживания создаваемой системы.

Процесс лингвокультурного трансфера также можно считать аутопозным процессом, поскольку при нем происходит воссоздание лингвокультурных констант одной лингвокультуры в другой лингвокультуре посредством слова. Особенно ярко это проявляется в процессе перевода, передачи произведений с одного языка на другой. Так, в частности, при переводе произведений немецкого средневекового миннезанга (мы рассматриваем ранний и классический миннезанг) на современный русский язык средствами современного русского языка передаются лингвокультурные константы (концепты) куртуазного направления средневековой литературы, существовавшие в средневерхненемецкий период истории немецкого языка. При этом содержание уже существующих концептов (например, концепт ЛЮБОВЬ, концепта ЖЕНЩИНА) дополняется новой лингвокультурной информацией, в некоторых случаях «переписывается», таким образом, эти лингвокультурные константы находятся в постоянной динамике, постоянном развитии и эволюции. Содержание данных концептов русской лингвокультуры при трансфере соответствующих средневерхненемецких концептов также дополняется новыми признаками, которых до этого не было в русской лингвокультуре. Так происходил трансфер концептов средневековой куртуазной культуры в русскую лингвокультуру.

Подобным же образом в саму германо-немецкую культуру были заимствованы концепты куртуазной лингвокультуры провансальского происхождения. Лингвокультурой-посредником в данном случае послужила старофранцузская лингвокультура. При этом для германских лингвокультур данная система концептов ранее не была характерна, поэтому новая семантика была органично включена в старую концептосферу германских языков. Так, например, лексема *frouwa / frouwe*, восходящая к общегерманскому корню со значением «первая / первый, господин / госпожа» (ср. с именем женского божества Фрея германо-скандинавской мифологии) позднее стала применяться в поэзии миннезанга для обозначения возлюбленной главного героя. Лексема *mine / minna*, имевшая в древневерхне-немецкой период развития языка значение «воспоминание», «память», под влиянием старофранцузской куртуазной лингвокультуры получила значение «любовь». Аналогичным образом изменилось и значение лексемы *liebe* (первоначально – «радость»), репрезентирующей концепт ЛЮБОВЬ в германо-немецкой средневековой культуре.

Итак, мы рассмотрели различные подходы к моделированию процесса лингвокультурного трансфера, показали ранее использовавшиеся модели, основанные на идеях и принципах структуральной лингвистики. Была отмечена также необходимость создания новых моделей лингвокультурного трансфера, основанных на антропоцентрической парадигме языкознания, что послужит дальнейшим исследованиям как самого рассматриваемого процесса, так и изучению человека говорящего, человека в языке.

ЛИТЕРАТУРА

Джонс-Блэй К. Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. – СПб.: «Нестор», 1997. С. 67–72.

Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. – Изд. 3-е, доп.; Серия: Концептуальные исследования. Вып. 14. – СПб.: СПбГУ, 2011. 136 с.

Культурные трансферы: проблемы кодов: коллективная монография / под ред. С. Г. Проскурина. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 224 с.

Лотман М. Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (статья первая) // Лотмановский сборник. Вып. 1. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 214–222.

Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. – М.: Азбуковник, 2004. 632 с.

Маслова В. А. Трансфер: от слова и термина к новому мировоззрению // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов : в 2 томах. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. С. 146–148.

Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. – М. : Высшая школа, 1979. 192 с.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 248 с.

Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М. : Эдиториал УРСС, 1996. 216 с.

Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. С. 5–34.

Фридрих И. История письма. – Изд. 4-е. Пер. с нем., под ред., с предисл. и комм. И. М. Дьяконова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 464 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.

Espagne M. La notion de transfert culturel [Electronic resource]. // Revue Sciences/Lettres. – 2013. № 1. – Mode of access: <http://rsl.revues.org/219>.

Harris Z. Transfer Grammar // International Journal of American Linguistics. – 1954. Vol. 20. № 4. Pp. 259–270.

Nida E. A. Toward a science of translating with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. – Leiden : E. J. Brill, 1964. 335 pp.

Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. – The Hague – New York – Paris : Mouton Publisher, 1968. 160 pp.

Weisgerber J. L. Das Wort in der Welt // Л. А. Шарикова. Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера. – Изд. 2-е. – Кемерово : Графика, 2004. С. 162–183.